

**ЗАРОЖДЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ОТ ФИЗИЧЕСКОГО ОБРАЗА К ДИНАМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ**

Гурарий Е.М.

ассистент кафедры государственного и муниципального управления Уральского института –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Россия),
620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Блюхера, 53-38, gurariy777@mail.ru

УДК 30
ББК 66.06

Статья посвящена проблеме, связанной с пониманием категориального содержания понятия политического пространства. На основании анализа категорий физического и социального пространств, а также свойственных им особенностей, автор создает модель, способствующую пониманию предназначения и роли политического пространства, а также раскрывающую закономерности процессов, происходящих в нем.

Ключевые слова: политическое пространство, индивид, автономия, социальное пространство, система, физическое пространство.

Gurary E.M.

THE BIRTH OF POLITICAL SPACE: FROM PHYSICAL IMAGE TO DYNAMIC SYSTEM

The article is devoted to the problem of understanding the political space categorical content. On the base of the analysis of physical and social space categories the author constructs a particular model which is supposed to help understanding of the political space role. Besides, the author reveals the main patterns of internal processes in the political spaces.

Key words: political space, individual, autonomy, social space, system, physical space.

Сложные и противоречивые политические процессы, происходящие в современном мире, ставят перед наукой ряд проблем, связанных с необходимостью осмысления и понимания новых реалий. Возникает потребность понимания динамического характера политики как таковой – ее ключевых факторов и возможных последствий. В этой связи особо актуальной нам видится разработка категориального статуса понятия политического пространства.

Политика и политическая реальность представляют собой определенный срез объективной реальности, находятся в границах природной и социальной среды и обусловлены в своем существовании физическим социальным пространством. «Кристаллизовать» само политическое пространство представляется возможным через сопоставление различных теоретических образов пространства, выделения их специфических черт и характеристик, сфер применения, а также установления границ и переходов между ними. Понимание значения политического пространства, равно как и иных пространственных типов, связано с идентификацией ключевого элемента (элементов) его зарождения и развития.

«Физическая» характеристика пространства лежит на поверхности его изучения. Физическое пространство (от греческого «фюзис» – природа) – базовый, первичный вид пространства, в определенной степени его первооснова. Понимание пространства в физическом смысле характеризует его как некоеместилище вещей, определенную совокупность «точек-мест», которые в тот или иной момент времени могут занимать тела. Физическое пространство, в котором протекает жизнь общества, определено географически, процессы внутри него протекают в очерченных рамках, зафиксированных в правилах, законах, формах.

Материальным субстратом физического пространства выступают люди, наполняющие его [1, с. 101-103]. Однако, отношения между людьми в таком пространстве не являются значимыми и не влияют на строение пространства. Это происходит потому, что физическое пространство характеризуется однородностью и основывается на доминировании устойчивости, порядка и равновесия. Пространство представляет собой замкнутую систему, в которой преобладают

линейные соотношения, где относительно слабый сигнал на «входе» приводит к появлению равнозначного малого сигнала на «выходе».

С точки зрения социально-политической науки, физическое (географическое) пространство является территорией, на которой размещаются человеческие и природные ресурсы, необходимые для существования общества. Территория выступает также в качестве одного из конститутивных признаков (атрибутов) государства, которое имеет границы и обладает суверенитетом – правом устанавливать законы, регулирующие отношения на его территории. Физический образ пространства предполагает возможность управления социальными отношениями при помощи рычагов административного воздействия. Все отношения внутри этого вида пространства строятся сверху вниз и фактически определяются типом государственного устройства и моделью государственного управления. Вследствие этого, отношения между индивидами и группами в пространстве носят в большей степени механистический характер и проявляются в той мере, в какой это допускается органами государственной власти. Физическое пространство является внутренне однородным недифференцированным и относительно неизменным. В таком виде пространство может существовать достаточно долго – его жизненный цикл зависит от степени замкнутости государства и его изолированности от процессов, происходящих во внешней среде. Физическое (географическое) пространство может рассматриваться как определенный образ (срез) политики, в рамках которого государство выступает ее единственным актором. Сама же политика выступает в виде геополитики, которая обращена вовне, в ту область, где пересекаются интересы различных государств. Такая политика предполагает исключительную монополию государственных органов, она часто осуществляется в форме конфликтов, предполагающих использование военной силы или угрозу ее применения. Отвечающий ей образ политики, особенно в условиях, когда внешним отношениям отдается предпочтение перед внутренними делами, отбрасывает отпечаток на представления о политике как таковой, которые формируются не только в массовом сознании, но и у политиков, которые по роду своей деятельности заняты решением внутренних проблем общества.

Такая интерпретация политического пространства в узком смысле – как пространства деятельности исключительно государства – отвечает этатистскому мировоззрению и находится в противоречии с современными тенденциями политики. Геополитическая трактовка политического пространства в значительной мере сужает теоретико-методологические возможности анализа субъективного измерения политики (акторы, мотивы, движущие силы политического

действия, механизмы управления конфликтами, согласительные практики), исключает из поля зрения массив социальных взаимодействий групп и индивидов, образующий общественное тело политики.

С нашей точки зрения, в настоящее время в силу роста «негосударственного» поля политики понятие политического пространства приобретает более глубокий и широкий смысл. В демократических обществах открытого типа наблюдаются процессы усложнения социальной динамики и нарастания социального неравенства. В этой связи, учеными и исследователями признается факт качественной дифференцированности общества и многомерности его структуры, в частности, наличие различных социальных групп, разнонаправленный характер взаимодействия социальных агентов различного уровня. Иными словами, для понимания общества как реальности, наполненной социальными практиками индивидов и социальных групп, обусловленной существованием множества вариантов группировки индивидов по социальным признакам, необходимо отойти от этатистских представлений социальных и политических процессов и обратить внимание на социальную «сторону» (образы) пространства.

Социальное пространство образуется взаимоотношением расположенных в нем социальных объектов. Оно рассматривается как иерархическая организация социальных элементов, упорядоченная путем распределения статусов и представленная в виде совокупности вертикальных и горизонтальных отношений. Соответственно, социальное пространство, взятое в его категориальном смысле, выступает уже не в виде территории государства (физического пространства), а представляет собой подвижную конструкцию, образованную совокупностью социальных позиций, которые занимают субъекты, составляющие в своей совокупности общество. Важнейшие элементы, образующие социальное пространство и определяющие векторы его развития, – это социальные группы и взаимодействия – как между группами, так и внутри них. Социальные группы образуются по различным основаниям и на основе различных интересов и интенций, они обладают неравными ресурсами и доступом к власти. Взаимодействия между социальными группами осуществляются в разных направлениях: выстраивание сотрудничества, борьба, подчинение, создание коалиций и т.д. [2, с. 45]. В этом смысле социальное пространство представляет собой еще один концептуальный образ политики – политики как деятельности, направленной на решение актуальных задач, внесенных в повестку дня текущего процесса, и осуществляемой социальными субъектами различного уровня и строения посредством технологий конфликта и согласия. Это образ политики по преимуще-

ству внутренней; образ, построенный на отвлечении от возможного влияния на ход общественных процессов со стороны внешних факторов – географическая среда, борьба за сферы влияния, контроль ресурсов, военные конфликты и т.п.

В работах П. Бурдьё и М. Фуко концепция социального пространства сформулирована как специфический образ политики. Их «топологические» теории социального пространства демонстрируют нам важность порядка расположения и взаимодействия субъектов в пространстве: этот параметр в наибольшей степени влияет на структуру пространства и его форму [3, с. 93]. Социальное пространство выступает как некий самостоятельный механизм, автономно существующий и регулируемый своими внутренними законами. Такой механизм складывается из взаимодействий групп и индивидов, находящихся на определенных позициях и обладающих определенными ресурсами, обусловленными этими позициями. Главная идея любого такого взаимодействия – накопление (максимизация) капитала, который способствует социальной группе улучшить свою позицию в пространстве и достичь господства.

Социальное пространство организовано иерархически, сверху вниз. Опорой вертикальной организации в данном случае выступает капитал, накапливаемый группами и индивидами. Иными словами, взаимодействие в социальном пространстве носит односторонний характер – находящиеся в этом поле группа или индивид склонны к монополизации отношений, они позиционируют и воспринимают себя самих как субъекта, для которого все остальные участники пространства являются объектами. Социальное пространство можно рассматривать как слабо дифференцированное целое. Все «места» в этом пространстве опосредствованы специальной иерархией и классификацией. Любая «точка» в этом пространстве не просто место, но и определенный ранг, позиция, которая предполагает определенное поведение субъекта.

Социальный образ пространства характеризует общество как детерминированную среду, в границах которой взаимодействия имеют односторонний (однонаправленный) характер. В то же время, социальное пространство – среда открытая, что обуславливается постоянным изменением ее субъектного состава, а также изменением границ, вызываемого сменой позиций, которые занимают индивиды и социальные группы. Это противоречие объясняется существованием двух принципиально различных процессов эволюции: процессы в замкнутых системах ведут к тепловому равновесию (физическому хаосу), а процессы в открытых системах порождают эффект самоорганизации.

Топологический подход к пониманию пространства расширяет рамки исследования этой категории,

но, вместе с тем, автономизирует социальное пространство, обособляя социальное от других измерений жизни общества (экономика, культура, государство), придает ему статический характер и подчеркивает приоритет в его функционировании внутренних законов, управляющих социальными взаимодействиями групп. Социальное пространство детерминруется именно действиями групп и усредненностью политических интересов. Этот образ политики соответствует эпохе, когда общественным процессам были свойственны невысокий темп перемен, преимущественно групповая организация массового действия, обезличенный характер требований, перевес «вертикально ориентированных» государственных (властных) структур, преимущественное использование силовых, административных, природных ресурсов для решения политических задач. Формирование нового исторического мира в XX веке было связано с первоочередной ролью таких феноменов, как индивидуальность, свобода, разнообразие и динамика. Они стали факторами, обеспечивающими конкурентные преимущества того или иного общества перед другими в условиях неустойчивости, изменчивости и нелинейности, характерных для эпохи перехода из индустриального в информационное состояние. Одна из примет нового – возникновение политического пространства, которое своим появлением подчеркивает изменение образа политики в новых условиях развития общества.

Возникновение политического пространства является обратной стороной социальной трансформации – изменения сложившейся иерархической структуры социальных взаимодействий, номенклатуры и статусов социальных групп, «размещенных» в социальном пространстве, ослабления связей индивидов с определенными социальными группами, к которым они принадлежат и интересы которых отстаивают, утрату групповой идентичности. Начало политического пространства связано с зарождением индивида нового социокультурного типа. Его прототип можно увидеть в работах Т. Гоббса. Философско-теоретическим основанием концепции возникновения государства и мира политического как такового является переход от идеи равенства индивидов, порождающего негативные тенденции в их взаимоотношениях («война всех против всех») [4, с. 93] к идее соглашения, устанавливающего их неравенство между собой, неизбежно существующее благодаря наличию государства, обуславливающего асимметрию в структуре социальных взаимодействий. Автономия – важнейшее качество индивида в новом историческом контексте, связанном с появлением государства. Уходящая корнями в естественное состояние способность индивида (индивидов) устанавливать на основе соглашения законы, правила, нормы и другие установления

может быть реализована в должной мере (как направленная к прочной выгоде индивида, неотделимой от общественной безопасности) только в гражданском состоянии (предполагающем наличие государства и политических механизмов достижения согласия). Это особое поле автономии индивида и является исходным пунктом становления политического пространства. Речь идет о переломном моменте, когда индивид покидает отведенную ему «нишу» в социальном пространстве, когда связи, соединяющие его с теми или иными социальными образованиями теряют свое значение по сравнению с возможностями индивидуального «предпринимательства». Теперь он сам конструирует окружающую его реальность, внося в нее новый порядок и тем самым реализуя определенную политику. Автономный индивид является актором, делом которого является конструирование политики, начиная с ее элементарных форм – поиска согласия с другими: соседями, конкурентами и партнерами. Автономный индивид «обречен» на занятия политикой – не в ее профессиональном виде, но как необходимым условием осуществления личных (деловых, профессиональных) интересов и целей. Направляясь идеей расширения свободы, политика имеет целью достижение общего блага и использует власть как средство осуществления этой цели. Таким образом, агентом политического пространства в отличие от социального выступает не социальная группа, а отдельный индивид, отстаивающий свои личные интересы и руководствующийся собственными мотивами и целями. М. Фуко считает, что гоббсовское естественное состояние человека и общества – это определенная мыслительная категория (конструкция), которая дает возможность каждому политическому актору, индивиду или группе, оценить риски, прежде чем обращаться к применению силы и вступать в конфронтацию или борьбу с другими [5, с. 286]. В политическом пространстве социальные взаимодействия получают интерактивный характер: индивид осуществляет действие в расчете на ожидаемый, прогнозируемый ответ со стороны другого индивида. В таком случае взаимодействие индивидов будет не прямым, а опосредствованным интерпретацией намерений контрагента. Г. Блумер отмечает, что главной отличительной чертой процесса интеракции является осознание индивидами действий друг друга и последующая реакция на них. Реакция на действия другого участника процесса инициируется не только и не столько поведением «партнера», сколько степенью важности, которой характеризуются действия [6, с. 173].

Важно понимать, что непосредственной предпосылкой политического пространства является свобода как субстанциальное свойство индивида, его деятельности. Свобода является одной из составных частей

базовой триады естественного состояния человека: «жизнь–свобода–собственность» [7, с. 237-240]. С нашей точки зрения, политическое пространство возникает в качестве ответа на необходимость обеспечить управление новым потенциалом политического и экономического развития – эмансипацией свободных индивидов, которая рождает поток неопределенностей, обуславливающей неравновесный характер социальной динамики и тенденцию к хаосу. Формирование политического пространства происходит в контексте временного распада социальных связей, вызванного частичной или широкой дезорганизацией социального пространства. Этот распад обнажает проблемы, связанные с неспособностью социального пространства (а точнее, того типа политики, который «скрывается» за этим образом) быстро и адекватно отвечать на хаотические (с точки зрения наличного порядка) запросы внешней среды и индивидов, обладающих повышенной степенью автономности, свободы и креативности. Новые индивиды и новые формы их социального поведения не контролируются сетью институтов социального пространства, поскольку последние складывались в качестве инструментов регулирования социальных взаимодействий больших масс людей, крупных социальных групп. Вследствие этого «крупночестная» институциональная сеть социального пространства неспособна регулировать поведение тех индивидов, активность которых резко возрастает вследствие социального взрыва. Требуется формирование иной, более динамичной и адаптивной системы социального контроля и регулирования, адекватной новым задачам и условиям. Эта система должна не просто определять границы политических взаимодействий, но быть гибким, подвижным регулятором политики и политической жизни как таковой. Функцию такой системы выполняет политическое пространство.

Политическое пространство – функциональная система открытого типа, которая обеспечивает динамику свободы личности, регулирует ее взрывной, спонтанный рост и расширение и опосредствует отношения распределения и перераспределения власти между политическими акторами. Эти отношения выступают как системное качество множества взаимодействий: они осуществляются (актуализируются) посредством взаимодействий конфликтной или согласительной направленности, но не создаются ими.

Рассматривая различные модели пространства (физическое, социальное, политическое), мы получаем специфические образы политики, выражающие ее структурные и исторические особенности. Так, в рамках физического пространства общество, по сути, представляет собой государство – освоенную индивидами географическую зону, среду обитания – с обосо-

бленной территорией, на которую распространяется суверенитет государства, а политика оказывается монопольной деятельностью органов государственной власти, ориентированной в первую очередь на достижение геополитических целей. Через призму социального пространства мы получаем представление об обществе как дифференцированном социальном целом, состоящем из социальных групп, интересы которых наряду с интересами государства существенным образом влияют на характер и цели политических процессов. Наконец, модель политического пространства позволяет зафиксировать кардинальные изменения в мире политического, вызванные выходом на авансцену автономных индивидов, которые в рамках интерактивных взаимодействий конструируют политическое пространство, придавая новые черты современному миру политического. Главная его особенность – переосмысление существующего со времени Платона и Аристотеля положения о том, что в основе политики лежит концепция господства, освященного идеей справедливости (общего блага), «охраняемой» государством [8, с.111]. Разработка категории политического пространства позволяет поставить на передний план проблему власти как субстанциальной основы политического и рассмотреть ее в новом теоретическом и историческом контексте, обусловленном переходом общества, его политики, экономики и культуры в информационный мир, характеризующийся ростом нестабильности, факторов неопределенности, высоким темпом социальной динамики и новой ролью человеческой свободы и креативности в истории.

Литература:

1. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
2. Качанов Ю. Л. Социальное пространство и политическая топология // Вопросы социологии. Вып. 7. 1996. С. 42-69.
3. Баталов Э. Я. Топология политических отношений // Политические исследования. 1995. № 2. С. 88-99.
4. Гоббс Т. Сочинения. В 2 т. / Под общ. ред. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989 – 1991. 622 с.
5. Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПИ: Наука, 2005. 312 с.
6. Блумер Г. Общество как символическая интеракция // Современная зарубежная социальная психология: Тексты. М., 1984. С. 173-179.
7. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.
8. Мюрберг И.И. Свобода в пространстве политического. Современные философские дискурсы. М.: Идея-Пресс, 2009. 236 с.

References:

1. Sorokin P.A. Human. Civilization. Society / Ed., comp. and foreword by A.Yu. Sogomonov. Transl. from English. M.: Politizdat, 1992. 543 p.
2. Kachanov Yu.L. Social space and political topology // Voprosy sociologii. Issue 7. 1996. P. 42-69.
3. Batalov E.Ya. The topology of political relations // Politicheskie issledovaniya. 1995. №. P. 88-99.
4. Hobbes T. Works. In 2 v. / Ed. V.V. Sokolov. M.: Mysl, 1989 – 1991. 622 p.
5. Foucault M. Il faut defendre la societe. Lectures at the Collège de France, 1975-1976. SPI: Nauka, 2005. 312 p.
6. Blumer G. Society as a symbolic interaction // Modern foreign social psychology: Texts. M., 1984. P. 173-179.
7. Locke J. Two tracts of government // Locke J. Works. In 3 v. V. 3. M.: Mysl', 1988. P. 137-405.
8. Murberg I.I. Freedom in the political space. Modern philosophical discourses. M.: Idea-Press, 2009. 236 p.